

Сальваторе
ШИБОНА

КОНЕЦ

Перевод
Ниры Бугаевой

роман

МИОО

1

Он был ростом в пять футов и один дюйм, если измерять в уличной обуви, фигурой и всем обликом напоминал лампочку; круглым лицом с отвисшим подбородком походил на медведя, массивный в плечах и груди, почти так же широк ниже, но неожиданно узок в бедрах, оттого не сразу мог найти, где лучше присесть в случае нужды (к сидению без дела не был привычен), щиколотки же уже тонюсенькие, а стопы вовсе крошечные, как у девочки. Кожа отливала зеленцой, локти и тыльная сторона коленей — в бляшках псориаза, щеки же гладко выбриты, без порезов, шрамов и похожих дефектов. Он был до сумасшествия предан делу, не держал обиду на этот нечестивый мир, был даже благодарен ему. Был он пекарь, из чьих рук выходил хлеб с семечками и без, скромные торты, замороженные лакомства в сезон; он обеспечивал ими всех в округе и случайных прохожих. Этот внимательный читатель вечерней газеты, наделенный множеством достоинств. Ныне — гордый житель Огайо, он появился на свет в День святой Люсии, в 1895-м. Теперь он уже запретил себе курить с восьми утра до двух часов пополудни и заменил сигареты на карамельки. Роскошная грива волос цвета воронова крыла, брови — густые и широкие, глаза — голубые, до того светлые, что казались пустыми, глубоко посаженные; под глазами, как гроззовые тучи, набрякли мешки — результат длительного отравления свинцом. За всю свою жизнь он не выступал перед аудиторией больше чем из двух человек. Когда хотел, умел смотреть сквозь собеседника — так делают старые

коты, что страдают в обществе и стремятся к уединению. Кондитер и хлебопек в Элефант-Парке, бизнесмен, не очень-то амбициозный. Ему повезло: он смог найти свое место в жизни и с тех пор уж не тревожился ни о чем. Мягкосердечен он был до такой степени, что даже не брал в руки розги, чтобы поучить своих мальчиков, выпивал, но умеренно, и ежевечерне молился о спасении души сыновей и жены; курильщик, которого несмотря на это ни одна простуда не брала; на погоду не обращал никакого внимания; человек, верный своему пути, со всем всегда согласный и милосердный; ничем не примечательный христианин.

Пятнадцатичасовой рабочий день был поделен им на три части: шесть в кухне, в одиночестве; шесть у кассы за прилавком, медленно текущие часы, когда болтливые покупатели опустошали его, выжимая все соки; и вновь в задние комнаты, к одиночеству, если его не нарушит один из мальчиков. Он был отцом трех сыновей.

Не старший и не младший приходили в тихий переулочек, где располагалась пекарня, не они толкали заднюю дверь, и она распахивалась, словно по волшебству — крибле-крабле-бумс, — давая возможность пробраться внутрь и провести время после школы, наблюдая за работой отца. Это был средний, не имевший друзей, с которыми можно болтаться по улицам, как делали братья. Миммо приходил посидеть с отцом; немногословный мальчик, высокомерный, вокруг которого витал легкий запах мочи, с высоты табуретки наблюдал за миром, проникая в вещи материальные и призрачные, вместо того чтобы гонять в футбол и воровать уголь у железнодорожной станции, ловко — алле-гоп — распахивал дверь (без ручки, с давно сломанным замком и палкой, пристроенной в правом углу, которой дверь можно было раскатать) и разделял с отцом тяготы самых жарких дневных часов в жизни пекарни, когда печи медленно прогреваются

к ночи, а стеклянные двери, выпускающие и выпускающие посетителей, заперты и зашторены. Если откровенно, то пекарь был бы рад видеть старшего или младшего, которые унаследовали от матери угодливість, умение завести приятный разговор, спеть высоким, зычным голосом патриотическую песню, не говоря уже о тщательности в уборке.

Несмотря на бережливость и тяжелый труд, за все годы детства мальчиков ему так и не удалось накопить достаточно денег, чтобы обеспечить каждому отдельную комнату или спальное место — у них была одна на всех подъемная кровать в гостиной; если уж совсем начистоту, то он все решал сам: купить для воскресного обеда мясо или птицу; или лучше что-то красивое, чтобы оживить стены в гостиной, или пришить воланы к занавескам; добавить что-нибудь новенькое на фасад пекарни или выдать жалованье помощнику. Мальчики ходили в школу. Их мать крутила поддельные кубинские сигары на кухонном столе.

Ростовщик Д'Агостино, владевший магазином подержанных вещей, его постоянный покупатель, как-то заметил, что он потому и остается бедным, что из чистого суеверия отказывается тратить вперед, в счет заработанного в будущем. «Ты не позволяешь себе даже нанять какую-нибудь девку лупить по кнопкам кассового аппарата или лущить миндаль, вот как получается» — так он сказал.

И да, так и получалось. Но это помогало пекарю четко осознавать свои возможности. Он действительно не мог себе позволить нанять даже девку лущить миндаль. Он понимал, что Америка стала великой страной, дав людям возможность делать деньги даже на самих деньгах, хотя, по его мнению, практика эта была в высшей степени порочна. Тот, кто отдавал деньги ростовщику, ведь зарабатывал их в поте лица своего. Потому ни в одном банке

не был открыт счет на его имя, ибо откуда берутся проценты на счету? От предоставления денег в рост! В остальном он испытывал к новоизбранной стране нежность, которую тщательно скрывал — так девушки-подростки ни за что не признаются, что любят своего папашу.

Да и простые мечты его не были связаны с тем, что можно купить за деньги. Он вполне осознавал их, одну, по крайней мере, особенно ясно, даже мог выразить словами, но никогда не произнес бы вслух — не для чужих это ушей. Он был обыкновенным человеком, невыдающимся; покупатели, даже дети, никогда не обращались к нему по фамилии, а называли просто Рокко, как слугу или родственника.

Он был чрезвычайно подвержен страхам.

Страхи выскакивали из каждой тени и били прямо в лицо в самые неожиданные моменты сладостного одиночества, в первые утренние часы, когда он брел по извилистым улочкам, где на балконах доходных домов в желтоватых клубах угольного смога развевалось мокрое белье и похрапывали дети, загнанные туда, словно в клетку, на жаркие летние месяцы. Или позже, в четыре часа утра, когда он заполнял расстоечный шкаф ста восьмьюдесятью продолговатыми буханками, которые предстояло продать сегодня, и белоснежное тесто медленно поднималось, а он чувствовал себя великаном среди невинных младенцев; к тому моменту, когда приходило время растапливать печь, бросая туда куски угля, страх уже успевал проникнуть в самое нутро, сковать по рукам и ногам. В такие моменты что он мог сделать, чтобы защитить себя, кроме как назвать по имени свои страхи, надеясь тем самым лишить их силы. Потому он бормотал под нос библейское пророчество — ему никогда бы не удалось так точно выразить нужную мысль, а оно к тому же напоминало, какова его роль в этом огромном мире и каковы будут последствия, если он не справится с ней.